

Образ идеального игумена в произведениях Пахомия Серба

Сергей Станиславович Пашин^{1✉}, Наталья Сергеевна Васиховская²

¹Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

²Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Контакт для переписки: pashin-s@yandex.ru[✉]

Аннотация. Статья посвящена изучению агиографических традиций на Руси в XV–XVI вв. В центре внимания авторов оказалась часть творческого наследия Пахомия Серба (Логофета) — жития основателей и игуменов известных монастырей периода собирания русских земель в единое государство — Варлаама Хутынского, Никона Радонежского, Кирилла Белозерского, Саввы Вишерского. Опираясь на исследовательский инструментарий герменевтического подхода при изучении и сопоставлении текстов агиографических сочинений, авторы выявили прямые и косвенные цитаты из Библии, Жития Феодосия Печерского и Жития Сергия Радонежского в произведениях Пахомия, а также отсылочные сравнения героев Пахомиевых сочинений. Полученная информация помогает лучше понять степень влияния Пахомия Серба и его писательской манеры (стиля) на дальнейшее развитие агиографического жанра, на создание образов святых как неких идеалов, воплощавших в себе определенный перечень необходимых для этого идеала качеств, а также приемов их передачи в тексте. Очевидные пробелы в биографии святого подвижника легко восполнялись за счет обращения к трудам предшественников. Подобная тенденция хорошо просматривается у составителей житий Ферапонта и Мартиниана Белозерских, тексты которых приведены в статье в качестве дополнительных источников, призванных показать большое влияние творчества Пахомия на книжников середины XVI в.

Ключевые слова: жития святых, Пахомий Серб, герменевтика, Русь, XV–XVI вв.

Цитирование: Пашин С. С., Васиховская Н. С. 2025. Образ идеального игумена в произведениях Пахомия Серба // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 11. № 3 (43). С. 60–73. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2025-11-3-60-73>

Поступила 14.09.2025; одобрена 24.10.2025; принята 01.11.2025

The image of the ideal hegumen in the works of Pachomius the Serb

Sergey S. Pashin^{1✉}, Natalya S. Vasikhovskaya²

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russia

² Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: pashin-s@yandex.ru✉

Abstract. The article is devoted to the study of hagiographic traditions in Russia in the 15–16th centuries. The authors focused on a part of the creative legacy of Pachomius the Serb (Logothete) — the lives of the founders and hegumens of famous monasteries during the period of the gathering of Russian lands into a single state — Varlaam Khutynsky, Nikon Radonezhsky, Kirill Belozersky, Savva Vishersky. Based on the research tools of the hermeneutic approach in studying and comparing the texts of hagiographic writings, the authors identified direct and indirect quotations from the Bible, the Life of Theodosius of Pechersk, and the Life of Sergius of Radonezh in the works of Pachomius, as well as reference comparisons of the heroes of Pachomius' writings. The information obtained helps to better understand the degree of influence of Pachomius the Serb and his writing style on the further development of the hagiographic genre, on the creation of images of saints as certain ideals embodying a certain list of qualities necessary for this ideal, as well as techniques for their transmission in the text. The obvious gaps in the biography of the holy ascetic were easily filled by referring to the works of his predecessors. A similar trend is clearly visible in the compilers of the lives of Ferapont and Martinianus Belozersky, whose texts are given in the article as additional sources designed to show the great influence of Pachomius' work on the scribes of the mid-16th century.

Keywords: Lives of the Saints, Pachomius the Serb, hermeneutics, Rus', 15th–16th centuries

Citation: Pashin, S. S., & Vasikhovskaya, N. S. (2025). The image of the ideal hegumen in the works of Pachomius the Serb. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 11(3), 60–73. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2025-11-3-60-73>

Received Sept. 14, 2025; Reviewed Oct. 24, 2025; Accepted Nov. 1, 2025

Введение

Жития святых, будучи одним из самых распространенных жанров средневековой литературы, давно находятся в центре внимания исследователей. Полагаем, что этот интерес не случаен и во многом обусловлен и жанровым своеобразием, и литературно-духовной традицией, испытавшей на себе влияние византийского агиографического канона и не только. Лица и события Священной истории, отдельные элементы или даже целые фрагменты текстов святоотеческого наследия, агиографических сочинений создают на страницах древнерусских житий некий символический образный ряд, связанный, в первую очередь, с особым назначением текстов о святых людях.

Определенный канон, стандартные мотивы и сюжеты, набор традиционных словесных формул и речевых клише, присущий произведениям такого рода, при правильном прочтении и интерпретации текста исследователем могут выступать своеобразной основой для реконструкции как образа святого, так и ключевых культурно-исторических категорий и понятий эпохи, на которую приходилось создание того или иного жития.

Внимание авторов статьи будет направлено на выявление параллелей и разного рода текстуальных совпадений (как прямых, так и косвенных) в сюжетах житий, созданных Пахомием Сербом, с иными памятниками агиографии, которые могли быть использованы им и как источники информации, и как образцы для написания собственных текстов, а также на рассмотрение текстов самого Пахомия в качестве «авторитетных» источников для последующих агиографов.

Несмотря на то, что личность «едва ли не самого плодовитого писателя древней России» [Ключевский, 1871, с. 113] в целом довольно неплохо описана и оценена в трудах исследователей [Например, см.: Некрасов, 1871; Яблонский, 1908; Прохоров, 1989, с. 167–177], интерес к его творчеству не угасает и сегодня. Отдельно обсуждается стиль, который, несмотря на популярность и значительное влияние самого автора на современников, одни исследователи оценивали как «холодный и монотонный, в котором живая конкретика рассказа часто подменялась риторикой и которому было легко подражать» [Ключевский, 1871, с. 165–167; Голубинский, 1911, с. 176–180]. Другие ученые говорили о самостоятельности и литературном мастерстве Пахомия, подчеркивая, что чем менее репрезентативными были его источники, тем более сложным и витиеватым, наполненным общими местами, становился язык его произведений, в чем проявлялся скорее личный вкус автора в области стиля, а не содержания [Прохоров, 1989, с. 169; Кадлубовский, 1902, с. 184–188]. Так или иначе, но характер произведений Пахомия Сербана вполне отвечал запросам и литературно-эстетическим вкусам своего времени. Литературное наследие Пахомия довольно велико. Среди его сочинений — жития, похвальные слова, сказания и службы с канонами. Мы обратимся к житиям основателей и игуменов монастырей.

Результаты и обсуждение

Первый период писательской деятельности Пахомия:

30-е — начало 40-х гг. XV в.

Пахомий Серб (Логофет) считается автором четырех житий знаменитых русских игуменов. В истории создания этих памятников агиографии можно выделить два периода. Первый период — условно говоря, новгородско-троицкий — охватывает 30-е — начало 40-х гг. XV в., до знакомства и многолетней работы (примерно до 1459 г.) по редактированию написанного Елифанием Премудрым Жития Сергия Радонежского. В это сравнительно короткое время появились сначала Житие Варлаама Хутынского — умершего на рубеже XII–XIII вв. основателя Спасо-Хутынского монастыря под Новгородом, а затем — Житие Никона Радонежского — третьего (точнее, второго и четвертого) игумена Троице-Сергиева монастыря (1392, 1398–1426). Оба жития отличаются лаконичностью и минимумом конкретики. Мы полагаем, что в процессе работы над этими памятниками Пахомий ориентировался прежде всего на греческие жития. Впрочем, сама лаконичность обоих произведений позволяет акцентировать внимание не на их источниках, а на представлениях Пахомия о том, за что монах или игумен достоин звания святого.

На 60–70-е гг. XV в. — после редактирования Жития Сергия и короткого повторного пребывания в Новгороде — приходится второй период написания Пахомием житий святых игуменов — Кирилла Белозерского (ум. в 1427 г.) и Саввы Вишерского (ум. в 1460 г.) [Прохоров, 1989, с. 167–174]. Содержание обоих житий неоднократно перекликается с текстом Жития Сергия Радонежского.

Буквально в первых предложениях Жития Варлаама Хутынского Пахомий признается, что он пишет «повелением» новгородского архиепископа Евфимия II (1429–1458) и опирается на расспросы хутынских старцев, которые «многа лета имуще в монастыре томъ» [ВМЧ, стб. 199]. Понятно, что жившие в первой половине XV в. монахи не могли быть носителями достоверной информации о деяниях святого, жившего в конце XII в. Пахомию пришлось опираться на устную традицию и, что немаловажно, на собственные представления об идеальном игумене.

Земная жизнь Варлаама у Пахомия сводится к 10–12 эпизодам. Будущий игумен, конечно же, родился в семье благочестивых родителей, его отца можно характеризовать не как «худа гражданина, но паче велика»; в детстве не «укланяться на некия игры или позоры, но паче на прочитание божественных писаний» [ВМЧ, стб. 200]. Знатоки древнерусской агиографии будут сравнивать этот текст с рассказом о юных годах Феодосия Печерского [Житие Феодосия Печерского, с. 354–356], однако не будем забывать, что Пахомий мог ориентироваться и на греческие жития VIII–IX вв. Их «шаблон требовал говорить, что святой в юношеском возрасте не любил ни детских игр, ни зрелищ, ни конских ристалищ, ни светских песен, ни плясок, а усердно изучал псалтырь и вообще св. Писание, и наука давалась ему очень легко» [Лопарев, 1914, с. 24–25]. Отрок, кроме того, отвергал «брашно и питье» как нечто противное Богу [ВМЧ, стб. 200].

Вскоре после смерти своих родителей «блаженный отрок», подобно героям греческих житий, «имение... нищим раздав», постригается в монахи, «начать же въздръжати зело постомъ и бдениемъ и молитвами», а ища уединения, основывает монастырь на высоком берегу Волхова, 10 км севернее Новгорода. В безлюдном месте святой «начать же и землю собою делати, яко и отъ своихъ потъ, а не отъ чюжихъ питается» [ВМЧ, ст. 201].

В отличие от историков XIX–XXI вв., Пахомий не знал о существовании данной грамоты Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю, из которой следовало, что «место... зело красно», где была основана обитель, оказалось собственностью Варлаама, и что новый монастырь стал владеть не только различными угодьями, но и рабами нашего подвижника [Грамоты, с. 161–162].

Зато Пахомию было известно о кознях бесов, которые, принимая облик то зверей, то различных гадов, пытались всячески мешать святому. «Онъ же, разумевъ техъ коварства, знаменемъ крестнымъ ограждяся» от всех их поползновений [ВМЧ, стб. 201]. Вскоре Варлаам создал «церковь малу», и слава о нем распространилась «повсюду». Важно, что к нему приходили «князи и велможи, иноцы же и прочии христоименитии людие ползы ради» [ВМЧ, стб. 202].

Особого внимания заслуживают прижизненные чудеса святого игумена — обязательная составляющая и древнерусских, и греческих памятников агиографии [Лопарев, 1914, с. 32]. Первым чудом стало предсказание о рождении сына у безымянного князя. Пахомий с удовлетворением добавляет, что за такую радостную новость «князь предасть много сель святому монастырю въ окормление братии» [ВМЧ, стб. 203].

Вторым чудом оказалась практически детективная история: Варлаам уличил местных рыбаков в попытке утаить от монастырских властей пойманного осетра. И только третье чудо можно назвать чудом во всех смыслах этого слова: Варлааму удалось воскресить умершего сына некоего «земледельца». Справедливости ради следует отметить, что это был не случайный человек: он имел «велию веру къ святому» и, к тому же, ранее «многажды потребнаа святому присылаше» [ВМЧ, стб. 203–205]. Приходится констатировать, что все чудеса Варлаама в изложении Пахомия имели материальную подоплеку.

Земная жизнь Варлаама, в полном согласии с канонами греческих житий [Лопарев, 1914, с. 30], закончилась его напутствиями монахам и назначением своего преемника [ВМЧ, стб. 206–207].

Герой второго созданного Пахомием жития, уроженец города Юрьева (-Польского) Никон, был сыном «благверну и благочестиемъ сияюще» родителей. С юных лет он хотел служить Богу и еще в отроческом возрасте, «оставив отечество и родителей», ушел в Троицкий монастырь к игумену Сергию, буквально умоляя «облещи его во иноческий образъ». Как видно из жития, Сергей не отказал ему, но вскоре отослал его в Серпуховской Высоцкий монастырь к своему ученику Афанасию, «мужю добродетельну сущу и зело искусну иноческого пребывания» [Из Великих Миней Четвых, с. 82]. Никон безропотно следовал заветам своего наставника: не есть и не пить ничего другого, кроме «хлеба и воды, и сего в меру, масла же и вина до конца ошаятися, и бдети до полунощи, въ молитвахъ и в поучении Божии скончеваа, есть же егда и всю ночь».

Благодаря этому молодой монах к «Богу прилепляшеся, емуже беседа пении и молитвами николиже престае» [Из Великих Миней Четых, с. 84, 86].

Вернувшись через некоторое время в Троицкую обитель, Никон «всяку службу монастырьскую творя, и сицевыми труды и подвиги вседеньствуя, к Богу молитвою беседоваше, нощию же паче по реченному делу касашеся, и сна мало приимаше, усерднейше же священная пения сътворяше». За подобные подвиги его очень полюбил преподобный Сергей, приказав иноку жить с собой в одной келье. Никон посвящал много времени назидательным беседам с Сергием и смиренному служению монашеской братии. Оценив такие добродетели, Сергей за шесть месяцев до своей смерти объявил его своим преемником [Из Великих Миней Четых, с. 86, 88].

Будучи игуменом, Никон «вся службы часто обхожаше, и кождо делание сматриваше, и укрепляше, наказующе». В отличие от Сергия Радонежского [Житие Сергия Радонежского, с. 328, 330], Никон совершал обходы днем, а не ночью. «Никогдаже общих делъ, яже съ братьями, остояше, но равно с ними работаше, и всемъ первообразна дела себе предлагаше» [Из Великих Миней Четых, с. 90]. Как видим, опять никакой конкретики. И никаких конфликтов с монастырской братией и окрестными разбойниками.

В конце повествования о земной жизни Никона сталкиваемся с традиционными для житий русских (и греческих) игуменов сюжетами: герой руководил постройкой церкви (вместо сгоревшей во время нашествия Едигея); очень скромно одевался «властяными рубищи ... услаждающеся, паче мягких ризъ одеяние»); с юности и до старости был крайне неприхотлив в еде («ни различными брашны услаждаея, ни изнеможения ради телеснаго измени образа ризнаго») и, разумеется, успел перед смертью дать подробные наставления своим ученикам [Из Великих Миней Четых, с. 96, 98]. Необходимый минимум довольно странных чудес случился уже после смерти игумена [Из Великих Миней Четых, с. 100, 102].

Второй период писательской деятельности Пахомия: 60–70-е гг. XV в.

Написанное в 1462 г. по заказу Василия II Темного Житие Кирилла Белозерского является типичным памятником древнерусской (и греческой) агиографии: оно включает в себя большинство элементов «житийного шаблона» [Лопарев, 1914, с. 24]. Пахомий, как и положено «правильному» агиографу, опросил двух учеников Кирилла — действующего игумена Белозерского монастыря Кассиана (1448–1465, 1466–1470) и настоятеля соседнего Ферапонтова монастыря Мартиниана (1435–1447, 1455–1480) [Житие Кирилла Белозерского, с. 134, 136]. Обстоятельства биографий обоих игуменов наводят на мысль, что информаторы едва ли были большими знатоками долгого жизненного пути Кирилла Белозерского, так что его Житие можно назвать классическим центонно-парافразным произведением.

Согласно Житию, Кирилл (до пострижения — Козьма) родился от «благочестиву и христиану» родителей, рано покинувших земной мир. Как и положено будущему святому, Козьма с детства «баша прилежа къ церкви Божии, постомъ же и молитвами преспевая» и хотел «въ иноческая одеатися». Однако ему долго не удавалось осуществить

свою мечту из-за его влиятельного родственника и опекуна — окольничего у великого князя Дмитрия Донского Тимофея Вельяминова. Достигнув совершеннолетия, Козьма даже стал казначеем в хозяйстве богатого дяди и сумел постричься в монахи, будучи уже зрелым мужчиной [Житие Кирилла Белозерского, с. 136, 138]. Новоиспеченный инок, разумеется, сразу же всё свое имущество, «елико имееше, расточи и дасть убогим и ничтоже себе остави ради телесныя нужда» [Житие Кирилла Белозерского, с. 140].

Все последующие годы, до самой смерти, Кирилл провел сначала в подмосковном Симоновом, а затем — в основанном им Белозерском монастыре на далеком Сиверском озере. Будучи и рядовым иноком, и игуменом, Кирилл вел себя, как и положено герою жития: неутомимо трудился и молился днем и ночью, очень ограничивал себя в еде и одежде, успешно боролся с кознями дьявола, лично участвовал в строительстве первой монастырской церкви [Житие Кирилла Белозерского, с. 150, 152, 154]; совершил немало прижизненных и посмертных чудес, включая предсказание рождения долгожданных детей (на этот раз двух сыновей и дочери) князю Михаилу Белевскому [Житие Кирилла Белозерского, с. 168, 170, 172] и помощь в рождении сына у удельного князя Петра Дмитриевского (сына родившегося в 1350 г. Дмитрия Донского!) [Житие Кирилла Белозерского, с. 178, 180]; успел дать перед смертью наставления «своему» удельному князю Андрею Дмитриевичу и монахам и назначить себе преемника [Житие Кирилла Белозерского, с. 186, 188, 190].

В Житии Кирилла, наряду со множеством традиционных для всех памятников древнерусской агиографии «общих мест», можно встретить и немало заимствований (практически косвенных цитат) из Жития Сергия Радонежского. Рассказ про то, что Кирилл, трудясь в «хлебне» (пекарне) Симонова монастыря, «водунося и дрова секый и хлебы теплыя братиамъ принося», имеет аналог и в Житии Сергия («дрова на всехъ... съчаще») [Житие Кирилла Белозерского, с. 142; Житие Сергия Радонежского, с. 312, 314].

Оба игумена запрещали монахам иметь личное имущество: Сергий «повеле же твердо блюсти по заповеди святыхъ отецъ, ничтоже особъ стяжевати кому, ни своимъ что звати, но вся обща имети» [Житие Сергия Радонежского, с. 356]. Кирилл «в монастыри же и в келии ничтоже не веяше имети, ниже своимъ звати, но вся общая, по апостолу, имети, яко да сего ради не раби будемъ темъ, ихже нарицаемъ» [Житие Кирилла Белозерского, с. 160]. Бесконечное чтение молитв бессонными ночами, жизнь только на хлебе и воде — эти подробности биографии Кирилла, скорее всего, появились также под влиянием Жития Сергия [Житие Кирилла Белозерского, с. 142, 144; Житие Сергия Радонежского, с. 300, 302, 306, 314].

Сергий Радонежский, будучи игуменом, нередко совершал ночные обходы келий, пресекал ночные разговоры монахов, а по утрам «с тихостию и кротостию» проводил с нарушителями дисциплины воспитательные беседы [Житие Сергия Радонежского, с. 328, 330]. Кирилл Белозерский также по утрам терпеливо беседовал с любителями ночных разговоров [Житие Кирилла Белозерского, с. 158, 160].

Еще одно явное заимствование из Жития Сергия — рассказ о том, что в Кирилло-Белозерском монастыре в начальный период его истории вечно чего-то не хватало, и «братия понуждаху послати святаго к некимъ христолюбцемъ еже просити у нихъ

на потребу братиам». Однако Кирилл запрещал что-либо просить и учил монахов «у мирских не просити милостыни» [Житие Кирилла Белозерского, с. 162]. Другое дело — подарки мирян по их собственной инициативе. Точно так же Сергей требовал от монахов не ходить за едой «в село и не просити у мирянь потребныхъ телесных, но седети тръпеливе в монастыре, и просити и ожидати милости от Бога» [Житие Сергия Радонежского, с. 332].

Влияние Жития Сергия чувствуется и в рассказе о двух этапах борьбы с бесами и их посланцами. Будущий троицкий игумен сначала претерпел много огорчений «от зверей и гад», а затем посланцы дьявола приняли антропоморфный облик в виде скрежетавших зубами разбойников «въ одеждах и въ шапках литовьских отстровръхых». Конечно же, они были побеждены с помощью молитвы и крестного знамения [Житие Сергия Радонежского, с. 300, 302]. Кирилл на Сиверском озере тоже испытал нечто подобное: сначала невидимые посланцы дьявола хотели задавить его большим поваленным деревом, а потом наученный дьяволом сосед Андрей пытался сжечь святого [Житие Кирилла Белозерского, с. 150, 152, 154].

Пахомий неоднократно с видимым удовольствием сообщает о щедрых подношениях Белозерскому монастырю в виде продуктов и денег. Пожалуй, одна из немногих новаций Пахомия, по сравнению с творчеством Епифания Премудрого, заметная уже по Житию Варлаама Хутынского — это большой пиетет по отношению к знатым и богатым донаторам, князьям и боярам. Упомянутый выше князь Михаил Белевский посылал в Белозерский монастырь «многу милостыню». «Боярин» Роман Александрович за избавление от глазной болезни тоже дал монастырю «милостыню многу» [Житие Кирилла Белозерского, с. 172, 176].

Другой боярин, Роман Иванович, имея «великую веру в Пречистую богоматерь и ее угодника, блаженного Кирилла», ежегодно давал монастырю по 50 мер зерна, а иногда и больше. Однажды этот боярин захотел подарить монастырю принадлежавшее ему село. Если верить Житию, Кирилл отказался от щедрого подарка, но предложил дарителю давать в монастырь 50, а еще лучше — 100 мер зерна: «Села же своя самъ имей, не бо суть намъ потребна и полезна братии» [Житие Кирилла Белозерского, с. 178].

Еще один боярин, Даниил Андреевич, захотел передать монастырю село «по своему преставлении» — скорее всего, завещал в духовной грамоте. Однако Кирилл вновь не захотел принять село, якобы заявив монахам: «Аз не требую сель при моемъ животе. По моемъ же отшествии еже от васъ, якоже хотите, тако творите» [Житие Кирилла Белозерского, с. 196, 198]. На самом деле до наших дней дошло более 40 жалованных, данных и купчих грамот о передаче сел, земель и различных угодий Белозерскому монастырю в годы игуменства Кирилла (1397–1427) [Акты, с. 15–31].

Подводя итоги земной жизни Кирилла Белозерского, Пахомий попытался сформулировать жизненное кредо святого: «Назову прежде всего любовь к Богу, затем — чистоту телесную, с которой всякий увидит Господа, бедность одежды, безмерную простоту, любовь ко всем нелицемерную, пост, молитву, воздержание, бдение, веру без сомнений, слезы непрестанные, сокрушение сердца и смирение, ради которого сказано: „Сердце сокрушенное и смиренное Бог не унижит“» [Житие Кирилла Белозерского, с. 213].

Созданное по заказу новгородского архиепископа Ионы (1459–1470) Житие Саввы Вишерского — самое позднее и самое короткое произведение Пахомия о святом игумене. Поэтому особое значение приобретает выявление сюжетов «стилизованной биографии» Саввы, привлечших внимание агиографа. Будущий игумен был уроженцем тверского города Кашина, «рода убо не проста, но паче велика и всемь знаема», с детства хотел быть иноком и рано исполнил заветное желание.

Молодым монахом он побывал в нескольких монастырях, «жестокое житие проходя, рекше: в поварни и въ хлебни, и во иных службах, к сему же и смирение безмерное, аще кто инъ». Затем он покинул Тверскую землю, оказался в Новгороде, не задержался там, но поселился в окрестностях города, на реке Вишере, в небольшом шалаше, но вскоре перебрался на реку Сосницу. «Неким людям» стало известно о его подвижнической жизни, «и начаша к тому приходити и скудна приносить». Савва, разумеется, всегда был «во простых ризах», и сам архиепископ принял его за обычного странника [Из Великих Миней Четых, с. 62, 64].

Здесь напрашивается сравнение с троицким игуменом, тело которого никогда не знало «ризы новой». Однажды приехавший издалека ради встречи с Сергием некий «земледелец» не узнал работавшего в огороде преподобного именно из-за его бедной одежды [Житие Сергия Радонежского, с. 340, 342].

Далее в Житии Саввы следуют рассказы о семи прижизненных чудесах святого. Они не отличаются оригинальностью. Савва справился с посланными дьяволом разбойниками, построил монастырскую келью (и где здесь чудо?), научил трудолюбию ленивого мирянина; однажды всю ночь молол зерно, беспрестанно читая Псалтырь (классика всех житий!), и, наконец, долгое время шесть дней в неделю жил на столпе [Из Великих Миней Четых, с. 66, 68].

На 80-м году жизни Савва серьезно заболел, как водится, успел дать подробные наставления монастырской братии, после чего скончался [Из Великих Миней Четых, с. 70]. Далее случилось немало связанных с Саввой Вишерским посмертных чудес [Из Великих Миней Четых, с. 72–78], однако краткость Жития не позволила выяснить, как же Савва проявил себя на посту игумена.

Влияние Пахомия Серба на современников и последующих агиографов

В конце XIX в. А. П. Кадлубовский писал об опубликованном им Житии Пафнутия Боровского: «В содержании нашего жития прежде всего обращает внимание то обстоятельство, что автор преимущественно, если не исключительно, останавливается на внешних фактах, внешней стороне жизни и деятельности святого. О внутренней, душевной его жизни, о богомыслии, о стремлении к внутреннему совершенствованию и о внутренних проявлениях благочестия автор не говорит ничего, кроме разве немногих, самых общих притом фраз» [Житие Пафнутия Боровского, с. 102].

На наш взгляд, подобное утверждение вполне применимо и к трудам Пахомия. Знаменитый писатель создал жития основателей монастырей, которые являлись не только подвижниками и аскетами, но и активными деятелями Русской Православной церкви,

что, конечно, не могло не влиять на автора при создании образов упомянутых нами святых. Не следует забывать и о назначении некоторых Пахомиевых произведений — они писались для церковной службы, по поручению светской или церковной власти, а значит, автор мог писать не «как было на самом деле», а как было нужно. Прибавим ко всему этому источники, среди которых чаще всего упоминаются устные рассказы (не слишком достоверные), готовые биографии, «старые» заметки. Всё это влияло не только на авторский стиль, но и на работу самого агиографа над жизнеописанием того или иного святого.

Когда имеющиеся источники не давали Пахомию необходимой информации для рассказа, он, судя по всему, прибегал к известному еще со времен Нестора приему заимствования данных из хорошо известных переводных житий или же трудов предшественников. К последним можно отнести Епифания Премудрого — ученика, соратника Сергия Радонежского и создателя его жития, стилистической переработкой которого по поручению настоятеля Троице-Сергиева монастыря Пахомий Серб занимался в 40–50-е гг. XV в. Рассуждая об основателях монастырей в эпоху масштабного возрождения русского монашества, конечно, нельзя было оставить без внимания личность и житие человека, благодаря активной деятельности которого это стало возможным. Очевидно, поэтому на страницах сочинений Пахомия, через прямые и косвенные цитаты, отсылочные сравнения довольно часто проступает образ Сергия Радонежского. Это хорошо видно на примере текстов житий Никона Радонежского, Кирилла Белозерского, Саввы Вишерского.

Но вместе с тем характер упоминаний Жития Сергия говорит скорее не о слепом копировании, но о некой опоре на текст, призванный подчеркнуть сохранение и живую преемственность русской святости. И вот мы снова возвращаемся к авторскому стилю, простым и несколько однообразным приемам жизнеописания святого, так полюбившимся русским книжникам XVI в. Например, для авторов житий Ферапонта и Мартиниана Белозерских произведения Пахомия Серба, а особенно Житие Кирилла Белозерского, стало едва ли не главным образцом при описании жизни подвижников. При сопоставлении текстов житий обнаруживается, во-первых, много общего и в подвижнической, и в игуменской деятельности героев житий, а во-вторых, книжники XVI в. становятся еще менее конкретными в своих жизнеописаниях, по сравнению с предшественниками.

В Житии Мартиниана Белозерского находим упоминание о труженическом подвиге святого: повелением Кирилла Мартиниан был послан испытать себя в службах в хлебне и поварне, где придавался еще большему воздержанию, «вся чюства своа добре храняше без зазрения всякого, и с смирением всех послушаше, водунося, и дрова секый, и хлебы братиам принося, и от всех молитвы приемля и благословение, и всем припадаа с смирением» [Житие Мартиниана Белозерского, с. 214]. Обратившись к сочинению Пахомия, несложно заметить практически такой же текст: «Повелением архимандрита Феодора отходит Кирил в хлебню и тамо болми начят вздержатися, водунося и дрова секый и хлебы теплыя братиам принося, тем же и теплые молитвы от них приимаше» [Житие Кирилла Белозерского, с. 142].

В Житии Ферапонта Белозерского находим похожее, но только более пространное, в отличие от Житий Мартиниана и Кирилла, упоминание об аналогичном эпизоде из подвижнической жизни инока: «Тщалив же бе и на церковное пение и в всякую монастырскую службу искусен, добре послушаа отца и всю братию и всех моля тепле, припадаа, молити о нем Бога и пречистую Богородицу» [Житие Ферапонта Белозерского, с. 184–186]. Практически дословное копирование фрагмента Жития Кирилла Белозерского в Житии Мартиниана и только опосредованное его цитирование в Житии Ферапонта, возможно, было связано с тем, что Ферапонт «едино пострижение имый с святым и равностепен баше и леты с преподобным», а Мартиниан — «ученик святого Кирила чудотворца», который постоянно находился при нем и внимательно изучал образ его жизни.

Стараясь следовать во всей своей игуменской деятельности примеру Кирилла Белозерского, и Ферапонт, и Мартиниан также устраивали все «въ образ от Кирилова обычая», поскольку «един чин и начало имеют братия Кирилова монастыря и Ферапонта» [Житие Ферапонта Белозерского, с. 196; Житие Мартиниана Белозерского, с. 216]. Например, Ферапонт всегда строго соблюдал правила церковного пения и устав «благочинне и благоустройне всегда прихождааху к церкви Божии ... на пении стоаху с вниманием мнозем и млчанием, не беседующе ни с кем» [Житие Ферапонта Белозерского, с. 194]. Подобный сюжет приводит Пахомий в Житии Кирилла: «В церкви никомуже с инеми не беседовати, ни же вне из церкви исходити преже кончания, но всем комуждо в своем установленном чину и славословлении пребывати. Сам же Кирил ни колиже, в церкви стоя, к стене преклонися или без време не поседе, но нози его бяху яко и столпии» [Житие Кирилла Белозерского, с. 158].

Подобно Кириллу, Ферапонт ввел заповедь для братии «по келиам братиам питна не держати, такожде и ядения, — кроме трапезнаго покоя и уставнаго време, кроме немощи и разве нужда ради, — токмо едины иконы юожественны, а книжиц мало божественнаго ради пения, и орудия рукодельником» [Житие Ферапонта Белозерского, с. 196; Житие Кирилла Белозерского, с. 160]. Нечто подобное упоминается и в Житии Мартиниана [Житие Мартиниана Белозерского, с. 216]. В Житии Ферапонта приводится и краткое описание повседневных занятий братии, среди которых упоминается переписывание и изучение книг, плетение сетей для рыбной ловли, строительство келий, заготовка дров для монастырских нужд, работа в поварне [Житие Ферапонта Белозерского, с. 196]. Это отчасти перекликается с отдельными упоминаниями о ежедневных монашеских трудах из Жития Кирилла [с. 184] и скорее стилистически и композиционно дополняет последнее.

Заключение

В заключение хотелось бы вернуться к мысли А. П. Кадлубовского о русских житиях, которые, при однообразии своего содержания, могут служить выражением известного идеала. Согласно житиям, Варлаам Хутынский, Никон Радонежский, Кирилл Белозерский и Савва Вишерский проводили жизнь в постах, молитвах и бдениях, никогда не от-

казывались от общих с братией дел, работали наравне с остальными монахами, а иногда более их, подавая собою пример; они старались всячески сохранять установленные монастырские обычаи и уставы, проявляли себя в заботах о болящих и нуждающихся, показали себя не только как церковные, но и как активные политические деятели своего времени, став непререкаемыми авторитетами для современников и последующих поколений. Мы не исключаем возможности, что подобный просопографический портрет — это «не живая действительность, а лишь условная особенность агиографического стиля» [Яблонский, с. 221].

Список источников

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. 1958 / отв. ред Л. В. Черепнин. М.: Изд-во АН СССР. Т. II. 727 с.
- Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Ноябрь. Дни 1–12. 1897. СПб.: Типография Императорской Академии наук. VI с., 884 стб. (ВМЧ).
- Голубинский Е. Е. 1911. История Русской Церкви. Период второй, Московский. М.: Университетская типография. Т. II. 919 с.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 1949 / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 407 с.
- Из Великих Миней Четьих митрополита Макария. 2003 // Библиотека литературы Древней Руси (БДР). СПб.: Наука. Т. 12. С. 9–317.
- Житие Кирилла Белозерского. 1999 // БДР. СПб.: Наука. Т. 7. С. 132–216.
- Житие Мартиниана Белозерского. 2005 // БДР. СПб.: Наука. Т. 13. С. 208–260.
- Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным / изд. А. П. Кадлубовского. 1899 // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Нежин: Типо-Литогр. М. В. Глезера. Т. II. Отд. 2. С. 98–149.
- Житие Сергия Радонежского. 1999 // БДР. СПб.: Наука. Т. 6. С. 254–410.
- Житие Феодосия Печерского. 1997 // БДР. СПб.: Наука. Т. 1. С. 352–432.
- Житие Ферапонта Белозерского. 2005 // БДР. СПб.: Наука. Т. 13. С. 182–206.
- Кадлубовский А. 1902. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа. 399 с.
- Ключевский В. О. 1871. Жития святых как исторический источник. М.: Типография Грачева и К°. 483 с.
- Лопарев Х. М. 1914. Греческие жития святых VIII и IX веков: Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной. Пг.: Типография Императорской Академии наук. Ч. 1. XII, 568 с.
- Некрасов И. 1871. Пахомий Серб: писатель XV века. Одесса: Типография Ульриха и Шульца. 117 с.
- Прохоров Г. М. 1989. Пахомий Серб (Логофет) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука. Ленинград. отд. Вып. 2. Ч. 2. С. 167–177.
- Яблонский В. 1908. Пахомий Серб и его агиографические описания. СПб.: Синодальная типография. 456 с.

References

- Cherepnin, L. V. (Ed.). (1958). *Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus' from the End of the 14th to the beginning of the 16th Century*. Vol. II. Publishing house of the USSR Academy of Sciences. [In Russian]
- The Great Menaion Readings, collected by the All-Russian Metropolitan Macarius. November. Days 1–12.* (1897). Printing House of the Imperial Academy of Sciences. [In Russian]
- Golubinsky, E. E. (1911). *History of the Russian Church. The Second Period*. Moscow. Vol. II. University Press. [In Russian]
- Valk, S. N. (Ed.). (1949). *Charters of Veliky Novgorod and Pskov*. Publishing house of the USSR Academy of Sciences. [In Russian]
- From the Great Menaion Readings of Metropolitan Macarius.* (2003). In *Bibliothèque of the Ancient Rus' Literature (BLDR)* (vol. 12, pp. 9–317). Nauka. [In Russian]
- The Life of Cyril of Belozersk.* (1999). In *BLDR* (vol. 7, pp. 132–216). Nauka. [In Russian]
- The Life of Martinian of Belozersk.* (2005). In *BLDR* (vol. 13, pp. 208–260). Nauka. [In Russian]
- Kadlubovsky, A. P. (Ed.). (1899). *The Life of the Monk Paphnutius of Borovsk, written by Vassian Sanin*. In *Collection of the Historical and Philological Society at the Institute of Prince Bezborodko in Nizhin* (Vol. 2, dept. 2, pp. 98–149). Tipo-Litogr. of M. B. Gleser. [In Russian]
- The Life of Sergius of Radonezh.* (1999). In *BLDR* (vol. 6, pp. 254–410). Nauka. [In Russian]
- The Life of Theodosius of Pechersk.* (1997). In *BLDR* (vol. 1, pp. 352–432). Nauka. [In Russian]
- The Life of Ferapont of Belozersk.* (2005). In *BLDR* (vol. 13, pp. 182–206). Nauka. [In Russian]
- Kadlubovsky, A. (1902). *Essays on the History of Ancient Russian Literature and the Lives of Saints*. Printing House of the Warsaw Educational District. [In Russian]
- Klyuchevsky, V. O. (1871). *Lives of the Saints as a Historical Source*. Grachev and Co. Printing House. [In Russian]
- Loparev, Kh. M. (1914). *Greek Lives of Saints of the 8th and 9th Centuries: An Attempt at Scientific Classification of Hagiographic Monuments with a Review from the Historical and Historical-Literary Point of View*. Part 1. XII. Printing House of the Imperial Academy of Sciences. [In Russian]
- Nekrasov, I. (1871). *Pachomius the Serb: Writer of the 15th Century*. Ulrich and Schultz Printing House. [In Russian]
- Prokhorov, G. M. (1989). *Pachomius the Serb (Logothete)*. In *Dictionary of Scribes and Books of Ancient Russia* (issue 2, part 2, pp. 167–177). Nauka, Leningrad branch. [In Russian]
- Yablonsky, V. (1908). *Pachomius the Serb and his Hagiographic Descriptions*. Synodal Printing House. [In Russian]

Информация об авторах

Сергей Станиславович Пашин, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
rashin-s@yandex.ru

Наталья Сергеевна Васиховская, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия
Vasichovskaya@mail.ru

Information about authors

Sergey S. Pashin, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of History, University of Tyumen, Tyumen, Russia
pashin-s@yandex.ru

Natalya S. Vasikhovskaya, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of Humanities and Technologies, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia,
Vasichovskay@mail.ru